

нать, приписывая стоимость по учению таин называемой «вещной» стоимости, основывающейся стоимости на «предельной полезности».

Но и между сторонниками экономического учения Маркса, которые продолжают видеть в теории этого великого слага на абсолютную, то относительную истину, наиболее удовлетворяющую современному исследованию, — и между сторонниками марксовского учения, говорили мы, все чаще и чаще слышались голоса, указывающие на пробелы доктрины и на недоразумения, возникающие в ней. Так же уже довольно давно было указано на тот слабый пункт теории, что из нее не вышло, как известное количество сложного, квалифицированного труда превращается в действительную — большую — сумму простого, служащего основой измерения стоимости. Ссылая на то, что этот процесс превращения совершается «на силе производств», именно и побуждая марксовской повернуться уже не спиной, а лицом к происходящему явлению и тщательно разглядывать, что же, наконец, делается в этой хаотической части экономики.

Точно так же недавно рисовалось отношение фактических цен к стоимости. А в связи с этим недостаточно выяснялся и самый характер стоимости, т. е. была ли она, напр., более или менее фактически измерима и познаваема отношениями между товарами; или абстрактных законов этих отношений, чистоте проявлений которых препятствуют лишь различные условия действительности; или, наконец, не было, не было ли вообще какого-либо объяснения того «фетишизма товаров», того экономического символизма, в который превращается капиталистическая обшество, облекающая свои личные силы при помощи товаров, осуществляя таким образом беспрерывную форму нашего Гюгана назвать «вещественных связей производственных отношений».

В зависимости от того, откуда вопросы ставились еще один важный вопрос, а именно, когда же, при каких условиях и в каком направлении лучше всего принять стоимость, как меру фактических явлений

стоимости. И очень замечательно, что в то время, как с первого взгляда всякий сторонник марксовского учения ухватывал бы в этом смысле на капиталистическое общество, никто иной, как только уже в 40-х годах сдвинул указку вперед, что именно стоимость Маркса «господствовала» в течение нескольких тысяч лет, предшествовавших капитализму, и что именно в период капитализма и усиливались пертурбационные явления, препятствующие чистоте проявления закона. Очевидно, и здесь осталось много неразрешенных сомнений...

Возвещая, наконец, теорию прибавочной стоимости. Если что является наиболее спорным в ее статьях Маркса, то именно выведение этой стоимости из неоплаченного труда. Увы, и этот пункт подвергся критике. Я не буду, конечно, говорить о таких поправках и дополнениях к теории, которые характеризуют, между прочим, русские «экономические» марксовцы, в роде Струве и Тугань-Барановского, привнесших чисто буржуазные поправки, что не только труд, но и капитал, но и капиталы производят стоимость, а потому могут являться источником и прибавочной стоимости. Но опять таки даже у тех учеников Маркса, которые хотят остаться верными духу учения, упомянутый пункт возбуждает сомнения, если не прямо, то косвенно, если не сам по себе, то по причине характера заявлявшихся выводов из него. Речь идет об объяснении прибавки и ее размера на основании теории прибавочной стоимости. Надо ли говорить, что учившиеся политической экономии по первому тому «Капитала» не могли отбросить от чувства изобретения разочарования, когда она приступала к изучению второго, и особенно третьего тома? И уже оставило в стороне самую форму нахождений, на которой сазалась основная работа сдвинули всею разноречивых недопониманию высказались, особенно разрозненные марксовцы Маркса. Но как объяснить при безпрестанном изучении последнего тома объяснение развития и роста доходов капиталистического общества не столько при духе дальнейшего развития теоретических формул и